

Сказки Смерти. Сборник 2

Сквозь Космос

Предисловие

Костлявая рука Вершителя судеб, который от начала времён правит миром, коснулась плеча мальчика, глядевшего в тёмные небеса. Златая россыпь ярких далёких звёзд манила юную душу. Тихо, почти неслышно Смерть задал вопрос: «Ты хочешь увидеть больше».

Не зная, кто говорит с ним, мальчик кивнул и... сразу же начал подниматься ввысь!

Алёна Маркина

Инстинкт смерти

Путевые записки Граа, кандидата
биологических наук Межпланетного
образовательного союза имени профессора
Грехмгольца

Запись 425.

Дата: 101 кварта 7059 столетия.

Место: астероид за номером 1Н457, не заселён.

Сегодня начата операция по изучению, описанию поведения и последующему отлову макрокосмических леммингов (*Lemmini Orbis*).

Во всей галактике сложно найти более редких и загадочных животных. Но ещё тяжелее найти в ней существ, которые так настойчиво хотели бы умереть. Эти животные препятствуют буквально любым попыткам контакта. Так, сразу по прибытии я натолкнулся на лемминга, выпавшего из Гнезда. Несмотря на несколько сломанных конечностей, он оказал удивительное сопротивление предложенной хирургической помощи. В конце концов мне пришлось поместить его в анабиозный пузырёк и отнести обратно к Гнезду.

Стыдно признавать, что я отчасти рад этой встрече. Стоит ли говорить, что спасение одного из леммингов должно помочь развитию дружеских отношений со всем его семейством?

Жилище животных напоминает полый шар, наполненный газом. Стенка его абсолютно мертвая и твёрдая, как камень. Я пытался пробить её ложноподией в нескольких местах, но потерпел сокрушительную неудачу. Похоже, леммингов придётся выманывать наружу. Сами зверьки почти не выходят из Гнезда, и пока остаётся загадкой, как они находят себе пропитание в таком крохотном замкнутом пространстве. Думаю, именно эта невозможность

удовлетворения потребностей запускает сложную цепь рефлексов леммингов, называемую Танатосом, или инстинктом смерти.

* * *

Дик шагнул к рычагу аварийного входа. На его бледном худом лице блестели капельки пота. Рука потянулась к двери.

— Стой, где стоишь, — гаечный ключ, зажатый в руке Гордона, угрожающе поднялся в воздух, — Я не хочу причинять тебе вред. Просто не подходи к рубильнику.

Он осторожно выглянул в иллюминатор.

Макс лежал прямо около люка. Спокойный, будто заснувший после тяжёлой работы. Грудь его медленно вздымалась и опадала. Ноздри еле — еле заметно трепетали в такт дыханию. Окружавшая его тело субстанция чуть светилась, придавая спящему одухотворенный, почти священный облик. Да, это был просто спящий Макс.

И все же Гордон не мог впустить его. Он был всего лишь маленьким «условным руководителем туристической группы» и не мог пойти против правил. Это не в его компетенции. Стиснув зубы, Гордон смотрел, как склизкое существо медленно утягивает тело друга все дальше. Куда? Об этом Гордон старался не думать.

— Это был даже не человек, — зачем — то сказал он, — Мы с тобой прекрасно знаем, что настоящий Макс без скафандра не прожил бы снаружи и двух минут. Какая — то космическая тварь просто приняла его облик, как хамелеон.

Дик старался не встречаться с ним взглядом.

— О чем речь. Конечно. Это почти наверняка не был Макс.

Гордон презрительно отвернулся. Дик изначально был слишком слаб, а когда у их космобиля пробило бак с горючим, сломился окончательно. За время путешествия Гордон не раз мечтал придушить своего вечно сонного напарника. С тех пор, как приятели застряли на заброшенном астероиде, мечта превратилась в навязчивое желание.

Он выдохнул и сосчитал до десяти.

Слушай, Макс был и моим другом. Но я действительно не мог ничего сделать. Ты знаешь, что инструкция космических туристов запрещает впускать любого из членов экипажа, если остальным при этом угрожает опасность, и хватит об этом. Что с топливом?

Дик вяло пожал плечами.

— Ты задавал этот вопрос пять минут назад. И пять минут назад я ответил, что не могу сделать его из вакуума.

Что — то хрустнуло. Гордон с удивлением взглянул на обломки карандаша, зажатые в ладони. Господи, они заперты, заперты, заперты посреди холодного безжизненного космоса. Сидят в железном ящике, а за окном, похрустывая костями их друга, ходит липкая прозрачная смерть.

Нет, нет, нет. Не думать об этом. Сейчас не время. Главное сейчас — ни в коем случае не допускать упаднических настроений и нарушения дисциплины. Плевать, что нет связи и кислорода. Они обязательно спасутся, если все делать правильно.

Гордон попытался придать своему лицу спокойное и мудрое выражение руководителя.

— Найди инструкцию, как действовать при встрече с инопланетными формами жизни.

Дик вяло пожал плечами, отвернулся и застучал по клавиатуре. Сощурился, вчитываясь в текст на экране, откинулся на спинку стула и нервно хихикнул.

Ну, что там? — поторопил его Гордон.

Все просто. Людям, не имеющим особых знаний и полномочий для осуществления первого контакта с инопланетными формами жизни, необходимо включить двигатель и смыться с их территории.

Замечательно. А что пишут о тех, у кого нет такой возможности?

Дик пожал плечами.

— Надо полагать, эпитафию.

Гордон похолодел.

Впервые за много лет у него не оказалось под рукой нужной инструкции.

* * *

Наблюдения за леммингами. Запись 426.

Происходит что — то странное. Семья просто не пустила сородича обратно в Гнездо. Может, в ходе операции я случайно изменил запах или цвет излучения мыслей лемминга? Мы так мало знаем об этих удивительных зверьках... В любом случае, влияние Танатоса усиливается, и с приручением лучше не затягивать.

* * *

Мягкий шлепок заставил Гордона вздрогнуть. Он зажал уши руками, но продолжал слышать десятки, сотни, тысячи мягких ударов о стенки корабля.

Когда это прекратится? Господи, даже инопланетные идиоты должны понимать, что бифштекс не сделает дыру в металле...

— Ты не задавался вопросом, зачем они это делают?

Дик с интересом наблюдал, как огромные куски мяса ударяют по борту корабля, прочерчивая кровавые полосы. Иногда снаряд прилетал прямо в иллюминатор, и обзор на несколько секунд закрывала сочащаяся соком плоть. Дик зевал, с неохотой покидал кресло и включал дворники, наблюдая, как механизм размазывает кровь по стеклу.

Гордон с отвращением отвёл взгляд.

— Если они преследуют цель свести меня с ума, то им это удалось. Я не понимаю ни единой строчки.

Он в отчаянии посмотрел на огромные чертежи, рассыпанные по столу. Буквы и линии расплывались в сплошную мешанину.

— Я все же попробую снова...

— В пятнадцатый раз? Зачем ты прокладываешь маршрут без капли горючего на борту?

— Чтобы не переубивать окружающих, конечно, — Гордон нервно хихикнул.

В повисшей тишине мягко шелестели шлепки.

* * *

К моему удивлению, лемминги полностью отказались от предложенной еды. Танатос заслонил даже самые примитивные потребности животных! К счастью, я догадался изучить ресурсы памяти попавшегося мне лемминга. Удивительно, но в целом примитивное мышление зверьков базируется на сложном материнском инстинкте. Похоже, гиперразвитая забота о потомстве нужна для того, чтобы хоть кто — то из леммингов дожил до репродуктивного возраста. Попробую замедлить развитие Танатоса с помощью этого мощного защитного механизма.

* * *

Мысли в голове зудели, как огромные мухи. Гордон с тоской посмотрел на идеально разобранный стол, перепроверенные чертежи и перечитанные предписания. Пальцы его в пятый выбивали несложный мотив одной и той же песенки. В кармане лежал идеально протертый гаечный ключ, три обломка карандаша и ни одной соринки.

Смерть не страшна сама по себе. Страшно её ждать.

Гордон вздохнул и начал рассуждать снова:

— Эти твари пытаются сломить наш разум,

чтобы мы сами открыли им дверь. О чем это говорит? О том, что снаружи...

— Младенцы.

Дик увлечённо разглядывал что — то в иллюминаторе.

— Там снаружи целая куча младенцев. И все как один голубоглазые.

Он отошёл от иллюминатора, открывая обзор.

Ракету облепляли дети. Одинаково розовые и пухлые, с немигающими голубыми глазами, они мило перебирали ножками, сжимали кулачки, переползали с места на место и непрерывно, постоянно улыбались. Некоторые задорно смеялись, но вакуум поглощал любые звуки.

Гордон хотел что-то сказать, но из горла вырвался только сдавленный писк.

Дик усмехнулся:

— По крайней мере, мы не можем похвастаться отсутствием развлечений перед смертью. Сиди себе, дожидайся, пока кончится воздух, и любуйся детишками. Или чем — то похожим на детишек.

— Я не хочу так.

Смех Дика весело и жутко застучал по стенкам корабля.

— Друг, иногда события внешнего мира надо принять как должное. Наслаждайся видом из окна.

Гордон отвернулся. Его дрожащие пальцы зашуршали бумагой, перебирая схемы и предписания. Где — то точно должно быть нужное руководство. Хоть одно верное слово. Хоть что — то, чему можно следовать, не принимая самостоятельных решений. Не слушая то, что сидит внутри.

Взгляд Гордона на миг остановился на лежащем на столе ключе. Нет, господи, нет. Даже думать о таком нельзя.

Дик по — прежнему наблюдал за происходящим снаружи. В его бледной руке блестела весёлым зелёным огоньком бутылка.

— Ты вытребовал алкоголь у бортового повара? — не поверил своим глазам Гордон. Дик на миг оторвался от окна.

— Я с ним договорился. Жаль, что эта штука не умеет делать уран. Мы не можем улететь, зато в нашем распоряжении есть любая запрещённая гадость по твоему усмотрению. Абсент?

— Лучше виски, — Гордон смотрел, как Дик весело, чуть не насвистывая, копается во внутренностях компьютера.

Скорее в его мозгах.

Гордона передернуло от этой мысли. Пытаясь совладать с собой, он взглянул в иллюминатор.

Посреди медленно расплывавшихся детей живым студнем лежал пришелец. Его гладкая

упругая поверхность поблескивала в тусклом свете звёзд, единственный глаз, плавающий в жидкости вместе с другими органами, смотрел прямо на Гордона.

— Давно он здесь торчит?

Дик обернулся.

— Кто? Ах, этот... Уже двадцать минут. Я играл с ним в крестики — нолики, но он постоянно проигрывает. Смотри.

Дик подышал на стекло и быстро нарисовал на нем сеточку. Тварь по ту сторону оживилась. Медленно переползла ближе к иллюминатору, отпихивая с пути зазевавшихся детей, как надоедливых собачонок. Кусочек прозрачного желе ткнулся в угол решётки. Макс послушно нарисовал крестик на указанном месте, дополнив рисунок ноликом. Он выиграл в четыре хода.

Гордон опрокидывал в себя бокал за бокалом, наблюдая за этой дикой игрой. Разве можно оставаться нормальным, когда мир вокруг тебя сумасшедший?

Он неловко смахнул со стола виски.

— Похоже, мне хватит.

Компаньон, не ответив, помутнел и раздвоился. Усилием воли Гордон собрал Диков обратно. На этом корабле достаточно и одного заторможенного механика. Почему он так спокоен?

Это ненормально.

Ненормально для человека.

Кто может сказать, как думает пришелец?

Могильный холод прошил сердце Гордона, заморозил желудок, прошил невидимой нитью губы, не дав сорваться отчаянному крику. Обезумев от ужаса, он во все глаза смотрел на нечто, улыбающееся по ту сторону стола пьяной, до боли знакомой улыбкой. Что — то из космоса подменило его напарника, влезло в его кожу, вытянув тонкие живые внутренности.

— Старик, ты бы прилёг отдохнуть. Видок у тебя неважный.

Тело напротив него улыбалось оскалом мертвеца.

Смерть никогда не была за дверью. Она ждала его здесь.

Рука Дика медленно сдала в кармане холодный металл. Весь странный мир отвернулся от него. Лишь гаечный ключ оставался по — прежнему верен своему хозяину.

Тварь возле иллюминатора шевельнулась. Приклеенная улыбка сползла с его искажившейся морды.

— Ты чего...

Ключ просвистел в сантиметре от отшатнувшегося Дика. Тот отпрыгнул неловко, будто замешкавшись, задел собой стол.

Металлические стаканы рассыпались по полу с медным дребезжанием, уворачиваясь от шаркающих шагов Гордона. Он выбросит их наружу вместе с телом. Мало ли чем можно заразиться от неведомой инопланетной пакости.

Размахивая ключом, Гордон теснил тварь к стене. Шаг, другой. За Макса, за воздух, за страх, за инструкцию, которой не было и не могло быть на корабле. Чудовище пыталось увернуться, металось из стороны в сторону. Ярко — голубые глаза напряжённо следили за каждым движением ключа.

— Последнее желание... — весело шепнул им Гордон.

Дик посмотрел куда — то за его спину, и его бесцветные губы тронула улыбка.

— Оно исполнено.

Гордон не хотел поворачиваться. Что — то внутри повернулось помимо его воли.

Там, за тонким стеклом, в неровном свете звёзд танцевали самые чарующие существа на свете. Лёгкие, почти прозрачные тела манили к себе, ловко покачивая бёдрами, стыдливо прикрываясь длинными волосами, белыми, как лунный камень, рыжими, как сопло ракеты, черными, как сама тьма космоса. Их глаза сверкали ярче звёзд, а губы приоткрывались в неслышной песне.

Что-то с силой стукнуло Гордона по затылку.

Он успел сделать ещё пару шагов, прежде чем пол вдруг ушёл из-под его ног, заслонив собой дочерей Вселенной.

Не выпуская бутылки из рук, Дик опустился на колени у его тела. Минуту постоял, пытаясь нащупать пульс.

Не стоило брать Гордона в это путешествие. Парень изначально был слаб, а когда у космобиля пробило бак с горючим, сломился окончательно.

Дик шумно выдохнул и допил остатки на дне бутылки.

По крайней мере, Гордон умер счастливым.

Он встал и, шатаясь, пересёк ставший ненужным корабль. Рука сама протянулась к кнопке аварийного входа.

* * *

Запись 427, последняя.

Это сработало! Не знаю, что я сделал, но это сработало.

Кто бы мог подумать, что сложный, неукротимый инстинкт может быть остановлен с помощью обычного миража. Стыдно признаться, что в отчаянии я просто смоделировал наиболее часто встречающиеся образы из памяти подопытного лемминга. Почему они оказались

такими привлекательными для остальных? Кто знает...

*Сейчас я жду транспортную компанию, которая заберёт меня и зверей с этого безжизненного куска камня. Всего через несколько часов научный мир сможет собственными глазами увидеть живых представителей *Letmini Orbis*.*

С затаённой надеждой я смотрю на подопечных, мирно спящих в своих анабиозных капсулах. Кто знает, может, именно эти три некрасивых, но по — своему обаятельных зверя смогут возродить свой угасший вид в стенах лучшего НИИ всего Межпланетного Союза.

В конце концов, что может пойти не так?

Алёна Сереброва

Ирреально холодно

Здесь красиво.

Космос раскинулся вокруг картиной из миллиардов сверкающих звёзд. Словно какой-то ювелир рассыпал драгоценные камешки по бархатному полотну.

Артур прикрывает глаза и сглатывает.

А ещё тут тихо, да так, что собственное дыхание кажется оглушительно громким.

И пусто.

Артур снова открывает глаза и всматривается

в космическое пространство.

К невесомости, за пятнадцать лет жизни, он успел не только привыкнуть, всё-таки родился на корабле. Даже когда внезапно отключали гравитацию совершенно спокойно продолжал делать свои дела и даже получал от возможности «летать» некое удовольствие. Но сейчас всё совершенно иначе. Не так уж и приятно парить в открытом космосе, когда единственное что удерживает тебя рядом с домом — это страховочный трос.

А ещё страшно.

Жутко от мысли, что никто не придёт.

— Мам, а как там, в открытом космосе? — маленький Артур смотрит на чёрную бесконечность с жутким интересом. Всё стекло, на уровне своего роста, запачкал отпечатками ладошек. Да и сейчас Артур стоит к нему вплотную, прижимается к холодной прозрачной поверхности оставляя новые следы.

— Холодно, сынок. — Артур оборачивается и видит, как мама болезненно улыбается. — И не привычным, живым холодом, а ирреальным, каким-то неправильным... мёртвым.

— А что такое ириал... ирреально, мам?..

Артур кое-как заставляет себя обернуться в

этой пустой невесомости. За спиной — корабль — маленькое судно, бывшее ему домом с самого рождения. А внутри — команда, ставшая такой же семьёй, как и мама.

— Ну что, ты там как? Всё в порядке? — слышится в динамике.

— Да, — конечно, нормально. После выхода в открытый космос прошло совсем ничего. Полчаса где-то, а может и того меньше. Часов здесь нет и время чувствуется по-другому. — Всё в порядке, дядь.

Артур привык за все эти годы называть капитана дядей и только при посторонних звал по имени-отчеству.

— Как там мама?

— Всё в порядке. — Врёт, понимает Артур по заминке, по дрожи в голосе. — Устала только немного, прилегла.

Артур сглатывает и кивает, хотя с такого расстояния, да ещё и в скафандре, с корабля его жест вряд ли видно.

— Ты только не переживай. И кислород осторожно расходуй. Мы вызвали помощь. Они придут. Обязательно...

На боку красуется гордое название: «Титан», только краска местами пооблупилась. Подправить

хотели на ближайшей станции.

Он всхлипывает и жмурится в попытке остановить слёзы. Кислород надо экономить. Мама говорила, что тогда у него всё получится. Главное дотерпеть, дождаться.

Артур жмурится ещё сильнее, до боли в глазах и ярких пятен, а потом снова смотрит. Не может не смотреть. Ведь там, внутри, остались те, кого он любит.

Чуть желтоватый свет ламп сменяется тревожно-алым. Предупреждающим об опасности. Такого же цвета была кровь, когда Артур порезался, а мама потом причитала, что ему должно быть больно.

Сейчас не больно, но свет, заливающий всё вокруг, такой же.

— Что происходит? — Артур выглядывает из душевой комнаты, на ходу завязывая полотенце на бёдрах.

— Поломка.

Артур видит, что капитан что-то темнит, но переспросить не успевает. Тот уже исчезает по направлению штурвала.

— Ма? — он так и шлёпает босыми ногами по полу. Заглядывает к матери в каюту.

— Всё хорошо. Оденься побыстрее только. Может быть, придётся заняться починкой...

Починкой заниматься не пришлось. Его обманули.

Это пятнадцатилетний Артур понял, уже когда его одели в скафандр и прицепили баллоны с кислородом и страховочный трос. Мать просталась позже. По общей связи. И просила дожидаться помощи.

На корабль кто-то из предыдущих посетителей принёс вирус. С припиской. Об этом уже сообщил капитан, взявший слово после матери. «Умрут лишь взрослые», а значит Артуру на корабле находиться нельзя. Дядя пояснил это тем, что спасатели не станут рисковать своими жизнями ради чужого подростка.

— Я к вам хочу... — тихо шепчет Артур, но никто ему больше не отвечает. Перестали уже какое-то время назад. И от этого ещё более тошно. — К маме...

Новый всхлип сдержать не удаётся. Как и солёные капельки, застилающие прозрачной плёнкой глаза. Они не позволяют отчётливо видеть ни надпись, ни чёрное с этой стороны смотровое окно. А стоит смогнуть — эти самые капельки разлетаются по всему внутреннему шлему.

Артур отворачивается, хватается неудобной перчаткой за трос и оказывается к кораблю спиной. Смотрит на далёкие звёзды и ждёт, что придёт

помощь. Капитан сказал, что та уже близко. Они ведь успеют, да?

— Ты только не бойся, — наставляет капитан, прерывая недолгое молчание. — Подождать осталось совсем немного. С нами связались, они уже летят на помощь.

Голос у дяди слабый и хриплый. Словно дышит он через раз и на корабле не хватает того самого кислорода, который Артура заставили забрать. Хотя это и не так. Не в кислороде там дело.

— Я не боюсь.

— Вот и хорошо. Молодец... — кашель не позволяет закончить фразу, а потом в динамике слышится отчаянный хрип и наступает тишина. Только потрескивает никому не нужная уже связь.

— Страшно, мам, — губы дрожат, но слёз больше нет. Артур не хочет терять возможность видеть, даже если перед глазами всего лишь бескрайние и безжизненные просторы. — И холодно...

Теперь он понимает, что такое то самое ирреально, только поделиться больше не с кем.

Артур прикрывает глаза и тихо, очень слабо дышит.

До прихода помощи остаётся чуть меньше

часа, но кислорода больше нет.

Андрей Шишин

Древо жизни

А ведь я прожил всего двенадцать лет. Деревья, например, так долго живут. Интересно... они всё в своей жизни успевают сделать? А камни? Да и живы ли они вообще? Двенадцать лет, я постоянно чему-то учился в надежде однажды вырваться из этого порочного круга. Ведь чем я, по сути, отличался от дерева, если вся моя жизнь сводилась к монотонному изучению преподаваемого материала сидя практически на одном месте.

Хотя, наверное, мне грех жаловаться.

Нас — Лериков всем обеспечивало наше великое и несокрушимое Древо Жизни. Наше Древо возводило многоэтажные дома. Особенные игровые площадки (одна не похожа на другую). Сама земля давала нам плоды самых разных вкусов, лишь бы мы только учились. Учились проращивать семена древа беречь их и содержать, чтобы однажды выполнить миссию всей нашей жизни.

В двенадцать лет мы добровольно садились в капсулы, подготовленные Древом. Оно запускало эти неопалимые маленькие кораблики в черный океан над головой. Там наша миссия была найти

новый пригодный для наших семян остров. Дерево каждый год выстреливало нами в разные стороны, в надежде, что однажды кому-то из нас повезет найти еще один уголок для создания нового Древа или скорее для продолжения старого.

Были трусы. Всегда существовали. Ты видишь их сразу в толпе. Относишься к ним с надменным снисхождением. Иногда ведешь себя с ними грубо, хотя чести это и не делает. В глубине души сожалеешь, что так обращаешься с ними, но чувство отвращения неизменно пересиливает. Ведь ты знаешь, что трусы умрут. Умрут из-за своей глупости, в то время как ты будешь бессмертным всегда.

Трусы не садятся в капсулы по достижению двенадцати лет. Дерево, что породило и обеспечивало всю их жизнь, строило им эту капсулу. Оно увядает. Этого почти не видно. Не бросается в глаза. Просто на стволе появляются новые зарубки, морщины. Часть листвы опадает. И капсулу, что была подготовлена этому трусу, поглощает земля.

Лерик же, что остался дома и не полетел искать свой остров, теряет всяческую поддержку Древа и редко доживает даже до тринадцати лет. Хотя, кто знает. Историю мы не ведем. Известно только, что без поддержки Древа, без жилища и пищи, что оно давало, лерик может прожить

считанные дни. Месяцы, если заранее к этому подготовился. Но все будут знать, что он трус и будут презирать его. Умрет для общества он задолго до того, как умрет физически.

Сейчас я дрейфую на своем корабле по бескрайнему смолянному океану... совсем один. И мне страшно. Я пытаюсь забить голову мыслями о прошлом, о возможном будущем. Но сейчас мне, черт подери, так страшно! Может быть, вовсе не трусы были те, кто остались. Может быть, мы просто учились не тому? Или, скорее, нас учили не тому! Эти слова, что проявлялись на доске с песком. Эти звуки, сплетающиеся в слова шелестом листьев, что посылало нам Древо. Всегда ли оно было право? Может ли оно вообще хоть что-нибудь знать или просто использует нас? Нам бы стоило учиться прокармливать себя самим и жить не бессознательно, а задумываясь над тем, что будет дальше. Кто бы нам рассказал о том, что будет дальше. Рассказал так, чтобы мы поверили и поняли. Никто. Даже вернись я сейчас в прошлое и Расскажи сам себе, что меня ждет. Поверил бы я себе? А если и да, что бы я мог предпринять? Стать трусом?

Что во мне надежно засело, так это неприязнь к трусости. Нет. Я не буду трусом. И даже эта бесконечная ночь, что видна мне в окно корабля, обязательно прекратится и сменится рассветом на

новой земле. Никогда не бояться. Но всегда думать. Сейчас, находясь в этом путешествии в неизвестность, я точно понимаю, что всегда должен думать о будущем. Следить за тем, что я делаю.

От стенки капсулы отделился отросток, и прямо на глазах вырос сочный плод. Он тяжело накренил хрупкую ветку, призывая меня поскорее сорвать и съесть его. Последние напоминания о детстве. Последняя посылка от Древа.

Вкусно. Кажется, тут он даже слаще, чем был дома.

Сколько я уже лечу? А сколько лететь? И будет ли этот конец? Может быть, я тут умру. Воспоминания о своих годах дома кажутся такими далекими. А что если я выберусь из капсулы? Вот прямо сейчас, найду способ и выйду в открытый океан.

Думай. Прежде чем совершить поступок, всегда думай. Верный ли он? К чему приведет тебя?

Если не умею плавать, то есть ли смысл нырять? Без надежды куда-либо доплыть, или даже выжить сколь-нибудь долго. Кто знает что там, внутри океана?

Остается только ждать?

Я зарос. В этой капсуле нет комфортных условий для длительных путешествий. Кажется, волосы растут у меня даже из лица, а я ничего не могу с этим сделать.

Столько островов уже позади. Я видел и безжизненные пустыни, и плодородные долины. Они были так близко, но я пролетел мимо. Быть может, в тех долинах уже жили мои предшественники?

Снова этот плод... кажется, он безвкусный. Почему нельзя было дать что-то другое. Тело пронизывают тонкие ветви стимулирующие время от времени работу мышц, создавая эффект моего передвижения. Это уже не помогает. Всё тело затекло. Иной раз, когда я слишком резко дернусь, дрожь проходит по всему организму.

Впереди очередная безжизненная пустошь. А рядом с ней зеленый плодородный остров. Очередное райское место. Но меня вместо этого несет на безжизненный камень.

Стоп.

Меня ведь и правда несет прямо на него!

Сильный рывок. Дрожь и боль. Еще рывок. Ненависть к капсуле и прошлому, как протест всему миру выплеснулись со всей своей яростью. Я бился в истерике, словно раненый зверь. Пытался раскачать капсулу, надеясь сдвинуть ее с курса хотя бы на миллиметр.

Ничего. Тело кровоточило от порезов оставленных вырванными ветками, которые тут же ползли обратно. Я был обречен. Пустая земля, испещрённая кратерами, вот-вот станет моей

могилой.

«Почему был так глуп? Так много всего еще не успел. Но я не боюсь» — пронеслось в голове. Я зажмурился.

Удар.

На секунду сперло дыхание. Перед глазами померкло, и полетели белые мушки. Когда удалось прийти в себя, я обнаружил, что меня сбил метеорит немногим больше моего корабля. Он уже удалялся прочь, в то время как мой корабль взял направление на сказочный остров.

Произошло невероятное. Теперь я точно знаю, что иногда самое важное в жизни происходит... случайно.

Как только моя капсула проникла в атмосферу острова, в ней тотчас включились системы схожие с теми, что включались при выстреле ею родным Древом. Корабль был окружен огнем и, как припадочный, начинал носиться из стороны в сторону от боковых толчков. Он будто имитировал лист дерева, плавно опускающийся на землю. Когда меня запускали в океан, я был уверен, что этот механизм был нужен для того, чтобы корабль поднимался вверх. Теперь же понимаю, что он нужен скорее для того чтобы приземляться вниз, сопротивляясь естественному падению.

Со временем безумные дерганые движения сменились на плавные. И вот я, уже левитируя в

своей капсуле, словно древесный лист, медленно приземлялся на зеленую лужайку.

Мой новый дом.

Всё было не зря!

Оглядевшись, я обнаружил себя в окружении плотной стены деревьев. Если раньше мне приходилось видеть только одно Древо, то тут они были повсюду. Неужели сюда приземлялись многие поколения лериков? Надо непременно их найти.

Прежде чем заниматься своим Древом (а я до сих пор не был уверен, стоит ли вообще им заниматься после всей той лжи, которой меня пичкали с малых лет), я отправился исследовать этот новый мир.

С самого начала он мне показался немного странным. Изучив его, я лишь утвердился в своих подозрениях. Это был маленький астероид. На нем росли деревья, и была небольшая полянка не тронутая ими. На астероиде никто не жил. Странно, что лужайка, на которую я приземлился, так и не заросла за всё время существования этих деревьев и самого астероида.

После того как обошел астероид в третий раз, я заметил что лужайка начала зарастать и насторожился. Присмотревшись, убедился, что ветви всех деревьев вокруг стали обращены в сторону корабля. Кривыми и уродливыми руками они тянулись, словно желая разодрать плоть моей

капсулы. Все деревья как по команде начали давать мелкие ростки в нашу сторону, с каждой секундой завоеывая всё новые территории.

Деревья на астероиде были разными. Не было ни одних даже близко похожих между собой деревьев. Было и древо-исполин с аппетитными плодами, висящими на склонившихся ветках. Была и мелкая пустышка, покрытая красивой листвой как перьями и больше напоминающая кустарник. Было даже черствое, прогнившее и сломленное изнутри дерево, но даже оно прорастало на ранее пустовавшую полянку. Словно раньше все эти деревья не замечали этого свободного пространства, а сейчас в одночасье почувствовали, что оно им крайне необходимо для выживания. Деревья были враждебны. Сам астероид будто бы нес в себе угрозу.

Почему я вообще решил, что пустошь опаснее такого вот показного «райского» местечка?

Мне пришлось выдергивать молодые побеги деревьев. Я бегал из края полянки в край, предотвращая всё новые и новые посягательства. День сменялся ночью, и наоборот. Сутки длились здесь намного быстрее, чем дома. Всё это угнетало и утомляло, заставляя голову думать.

Единственным верным решением показалось немедленное высаживание своего Древа на этом прогале. И как можно скорее. Я наизусть помнил

все этапы выращивания Древа. Для начала выкопал семенам удобную ямку и посадил их туда. Они тут же дали ростки и поползли вверх. Лес вокруг почувствовал это и усилил атаку на лужайку.

Выдергивая очередной цветущий побег дерева, цветок неожиданно чихнул в меня пылью...

— Привет! Кто ты? — улыбнулась мне незнакомая девочка.

— Я лерик, — ответил я, немного смущаясь.

— Какое странное имя.

Ее улыбка казалось, сразила меня наповал. Я смог лишь вяло промямлить:

— Это вообще-то даже не имя.

— Пойдем Лерик, — она взяла меня за руку. — Я тебя познакомлю со всеми.

Девочка привела меня к костру, у которого сидели два парня, смотрящие неприветливо исподлобья. Один из них был рослым и упитанным, а другой наоборот худой и крючковатый. Поодаль были еще две девочки, одна из которых, кажется, лежала без сознания, а вторая над чем-то постоянно смеялась.

— Это Дейл и Мэд, — она указала рукой на парней. — Там лежит Лера, кажется, она сейчас отдыхает. А это хохотушка Макс.

— А тебя как зовут? — спросил я свою спутницу.